

Чжоу Итан не опустил до его уровня. У него была глубокая морщинка между бровями, появлявшаяся даже тогда, когда он улыбался. В результате он всегда казался обеспокоенным. Сейчас он торжественно посмотрел на Се Юня и сказал: «Сяо сюнди [1], у тебя хорошо подвешен язык».

«Нет, нет, - сказал Се Юнь, не сбиваясь с ритма, - у кого-то вроде ваньбэя осталось только две хорошие черты: способность быстро бегать и красноречие» [2].

Взгляд Чжоу Итана обратился к Ли Цзиньжун. Их разделяло всего несколько шагов, но создавалось ощущение, что им нечего сказать друг другу. Затем Чжоу Итан тихо молвил: «А Фэй, пойди сними с дерева линпай для отца».

По неизвестной причине Чжоу Фэй обернулась и посмотрела на Ли Цзиньжун. Она никогда не видела такого выражения на лице матери; это не было печалью, но по сравнению с яростью, когда Ли Цзиньжун заперла ее, она, казалось, успокоилась. Ее плечи были слегка опущены, от воинственной ауры почти ничего не осталось, и она казалась почти человеком.

- Разве ты не говорил, что долг благодарности уже был выплачен? - хриплым голосом спросила Ли Цзиньжун. - Раз благодарность и обида были стёрты...

- Цзиньжун, - мягко перебил ее Чжоу Итан, - когда он был жив, отношения между нами были улажены, и я уехал в Шу [3], не встретившись с ним даже в стране мертвых. Теперь, когда он ушел, когда жизнь и смерть разделили нас, события прошлого были списаны со счетов, понимаешь?

Цвет лица Ли Цзиньжун внезапно изменился - Чжоу Итан знал, что Лян Шао умер!

Тогда как насчет... тех слухов снаружи, которые она так старалась подавить? Неужели он молчал, хотя на самом деле знал о них?

Ли Цзиньжун не была ее растерянной дочерью; услышав всего пару слов, она поняла резкий обмен репликами между Се Юнем и Чжоу Итаном.

Тот, кто не слышит моей флейты, - не тот, кого я ищу. Она давно должна была понять; как может такой человек, как Чжоу Итан, быть готовым жить простой жизнью больше десяти лет, один день за другим, и довольствоваться только властью над маленьким уголком, «закрывая глаза на реальность»?

Ли Цзиньжун надолго погрузилась в свои мысли, прежде чем пренебрежительно поднять голову. В то же время она расправила плечи, как будто надела на себя железные наплечники, и тихонько вздохнула. Чжоу Фэй увидела, как Ли Цзиньжун быстро моргнула несколько раз и сказала ей: «Возьми и передай его своему отцу».

Текстура этого старого литья была очень грубой. Чжоу Фэй бездумно потеряла его и ощутила следы, оставленные множеством различных видов острого оружия. Эти отметки оставили на первоначально богато украшенной и традиционной резьбе немного торжественный и холодный отпечаток.

«Когда мой покойный отец еще был в этом мире, даже если бы ему пришлось поднять флаг и стать бандитом, тем самым погубив свою репутацию, он все равно был полон решимости сохранить 48 твердынь в качестве убежища для тех, кому некуда было идти, - сурово сказала Ли Цзиньжун. - Мы не полагаемся ни на север, ни на юг - с этими сотнями тысяч гор в качестве стен, с водами Чернильной реки в качестве защитного вала, те, кто нападет на нас, должны быть убиты. Приказ моего покойного отца не должен быть нарушен, и поэтому за пределами 48 твердынь у нас нет ни друзей, ни врагов, мы не заключаем союзов и не вступаем ни в какие фракции. Даже если это касается тебя, правила остаются те же».

Выражение лица Чжоу Итана не изменилось: «Я понимаю».

Ли Цзиньжун засунула руки в рукава: «Если ты уйдешь, с этого момента все твои связи с 48 твердынями будут разорваны».

Чжоу Фэй внезапно обернулась, широко раскрыв глаза.

- Я никого не отправлю сопровождать тебя, - бесстрастно сказала Ли Цзиньжун. - Твое путешествие в Цзиньлин будет очень долгим, а обстановка снаружи беспокойная. Пока ты должен остаться на несколько дней и написать письмо, чтобы они тебя забрали.

Как только она закончила говорить, она больше не обращала внимания на Се Юня, которого несколько минут намеревалась убить; она также не заботилась об ошеломленных учениках и даже забыла переломать ноги Чжоу Фэй. Вот так, ни с кем не разговаривая, она повернулась и ушла.

Чжоу Итан провожал ее взглядом, пока она не исчезла вдаль. Через некоторое время он, наконец, махнул рукой, сказав тихим голосом: «Теперь можете расходиться. Шэн'эр [4]».

Ли Шэн молча вышел из-за его спины: «Дядя».

Лично он считал себя умнее Чжоу Фэй. Он заранее подумал, что Чжоу Итана, скорее всего, нет в том месте, где он обычно жил, и поэтому, как только он выскользнул из своей комнаты, он пошел искать Чжоу Итана по всей горе. Обмозговав ситуацию, Ли Шэн пришёл к выводу, что, поскольку у Чжоу Итана было слабое здоровье, и ему следовало избегать холода, жары и влажности, с тем, как тщательно Ли Цзиньжун заботилась о нем, место, устроенное для него, не должно было находиться в тени, должно было располагаться рядом с водой и быть защищено от ветра. Дорожки вокруг также должны быть легкими для ходьбы. Но после тщательного анализа и обыска всех 48 крепостей он не нашел даже тени Чжоу Итана. Кто бы мог подумать, что, вернувшись без всякого успеха, он столкнется с Чжоу Итаном в месте, расположенном не так далеко от его двора. Он прислонился к старому дереву и слушал звуки

флейты, доносящиеся откуда-то поблизости.

Ли Шэн прибыл с Чжоу Итаном и, естественно, увидел, как Чжоу Фэй сражается с этими четырьмя шисюнами, используя только один меч. Испытывая смешанные чувства, он не смотрел на Чжоу Фэй и шел, опустив голову, пока не остановился перед Чжоу Итаном.

Чжоу Итан сказал: «Пойди и попроси у главы линпай от моего имени. Этот Сяо сюнди [1] - мой гость, и я прошу ее отпустить его».

Ли Шэн не посмел терять времени даром, повернулся и ушел.

- Большое спасибо, господин Чжоу. - Се Юнь просиял. - Как незваный гость, я пришел, перелезая через стены и пролезая через дыры. Уходя, я наконец-то могу взглянуть, в каком направлении закрываются главные ворота 48 крепостей.

- Твоя фамилия Се, - спросил Чжоу Итан, - имеет ли она какое-то отношение к Се сяну?» [5]

- Вы не можете написать два Се одним росчерком, - деловито сказал Се Юнь. - Этот почтенный старик и я, вероятно, принадлежали к одной семье восемьсот лет назад, и наши родовые могилы стояли рядом. Но восемьсот лет спустя он занимает высокое положение при императорском дворе, а меня жизнь забросила далеко в Цзянху. Мы оба видим лучшее друг в друге - чем не взаимопонимание, возникающее в результате восьми поклонов?

Видя, что его слова полны бессмыслицы, Чжоу Итан решил просто перестать спрашивать. Он сложил руки в прощальном жесте, позвал Чжоу Фэй и медленно пошел прочь.

После этого дня Чжоу Фэй больше не видела Се гунцзы. Говорили, что он уже покинул гору и взял с собой письмо, написанное Чжоу Итаном. Примерно через месяц после отъезда Се Юня кто-то очень официально постучал в горные ворота, прося аудиенции у главы 48 крепостей Ли Цзиньжун. Однако Ли Цзиньжун так и не появилась; она лишь отдала приказ открыть ворота и позволить Чжоу Итану уйти.

В тот день во всех 48 крепостях зелень была в пышном цвету, и местами оттенки лазури напоминали море. Когда проносился ветерок, листья шелестели; когда он прекращался, на землю опускалась тишина.

Чжоу Итан в гордом одиночестве медленно спустился с горы. Часовые, стоявшие слева и справа, уже получили приказ и открыли ворота. Перед воротами стояли солдаты в черных доспехах; все они были посланы Нань Чао [6], чтобы сопроводить его в Цзиньлин.

Чжоу Итан оглянулся на тропинку, с которой пришел, но не увидел того, кого хотел. Уголок его рта слегка шевельнулся, словно в насмешку над самим собой.

В этот момент кто-то громко крикнул: «Подожди!»

Чжоу Итан пригляделся внимательнее и увидел, что Чжоу Фэй выбежала из 48 крепостей вслед за ним. Она закричала: «Отец!»

Глава Ли сказала не мешать Чжоу Итану, но она не говорила выпускать Чжоу Фэй, у которой даже не было линпая. Часовые перед горными воротами хором сказали: «Шимэй [7], стой».

Конечно, Чжоу Фэй проигнорировала их слова. Она достала чжай-бэй дао неизвестно откуда и, приблизившись, выбросила вперед железные ножны. Они чуть-чуть заклинили железную ограду. Двое часовых, охранявших ворота, один с мечом, а другой с копьем, одновременно сделали движение, чтобы перехватить ее. Чжоу Фэй отклонилась назад со своим чандао за спиной и отбросила клинки часовых, переместив свое тело вбок, чтобы броситься вперед. Семь-восемь учеников на страже немедленно приземлились у ворот, окружив ее.

У Чжоу Итана было смиренное выражение лица, когда он сказал: «Чжоу Фэй, не создавай проблем, возвращайся!»

Чжоу Фэй казалось, что эти многочисленные короткие и длинные мечи были подобны незыблемой горе У Син [8]. Обе ее руки напряглись, а костяшки пальцев посинели. Она закусила губу и сказала: «Нет!»

- А Фэй...

Чжоу Фэй сказала немного слезливым голосом: «Она никому не позволила проводить тебя, но я должна тебя проводить! В худшем случае я тоже не вернусь!»

Чжоу Итан остановился и оглянулся. Среди тех, кто пришел за ним, лидером был тридцатипятилетний мужчина. Одетый в черные доспехи, он казался способным человеком. Увидев, что Чжоу Итан устремил на него пристальный взгляд, этот человек, одетый в черные доспехи, немедленно подошел и сказал: «Моцзян [9] Вэнь Юй получил приказ сопроводить вас в Цзиньлин. Какими будут инструкции?»

- Значит, ты 'Фэй Цин' Цзянцзюнь [10], это большая честь. - Чжоу Итан указал на ножны Чжоу Фэй, которые были полностью зажаты меж оградой, и сказал: - Я слишком избаловал эту девочку, она действительно упряма. Цзянцзюнь, пожалуйста, извини ее. Цзинмай [11] на обеих моих руках разрушены, могу ли я попросить Цзянцзюня мне помочь?

Вэнь Юй сказал с улыбкой: «Господин Чжоу слишком вежлив».

Сказав это, он не сделал ни шага вперед, лишь взмахнул рукой и выпустил волну силы. Даже с расстояния он попал в ножны Чжоу Фэй не слишком плавно, но и не тяжело, и ножны мгновенно упали. Железные ворота высотой в шесть чжан [12] перед 48 крепостями издали

резкий, пронзительный звук и закрылись.

Чжоу Фэй была пригвождена к месту семью-восемью охранниками и подняла голову с яростью в глазах, глядя на Вэнь Юя.

Вэнь Юй неловко дотронулся до своего носа, сказав: «Боюсь, что теперь твоя дочь затаила на меня обиду».

- Она еще молода и не совсем разумна.

Чжоу Итан покачал головой и наклонился, чтобы поднять железные ножны. Сначала они застряли в железных воротах, а затем подверглись магии Вэнь Юя, и на их поверхности сразу же появились две вмятины.

Чжоу Итан повернулся к Чжоу Фэй и сказал: «Этот меч не очень хорош, позже отец подберет для тебя отличное оружие».

Чжоу Фэй не сказала ни слова и использовала всю свою силу, чтобы оттолкнуть мечи и копья, сдерживающие ее. Ее силы были явно истощены, а грудь сильно болела, но, как назло, она не хотела отступить даже на полцуня [13].

- Помнится, я говорил тебе: «Нельзя добывать рыбу и медвежьи лапы одновременно [14], - сказал Чжоу Итан, глядя на нее.

Чжоу Фэй не хотела слушать, как он говорит о таких глупостях, как «отдать свою жизнь за благородное дело», и, проигнорировав его слова, избегала его взгляда. Чандао в ее руках непрерывно дрожал и издавал трескучие звуки. Затем он вновь ни с того ни с сего надломился, и сломанное лезвие, вылетевшее наружу, вонзилось в землю. Стражники разом вскричали, и, используя тыльные стороны своих клинков, надавили ей на плечи.

- Я не говорю тебе о том, чтобы «отдать свою жизнь за благородное дело», - спокойно сказал Чжоу Итан, как будто между ними не было преграды в виде железных ворот. - А Фэй, выбор не зависит от того, что ты считаешь важным, а что нет, потому что это путь сильных мира сего, неважно простых людей или военных. Не имея права выбора, ты всего лишь букашка, и должна прожить всю свою жизнь вопреки себе, следуя за толпой. О каком выборе ты можешь говорить? Разве рассуждая так, ты не выглядишь глупо? Например, только что ты сказала, что в худшем случае не вернешься, но ты ведь даже не можешь пройти через эти ворота. Остаться здесь или уехать со мной, ты можешь выбрать что-то из этого?

Вэнь Юй услышал, как Чжоу Итан говорит с девушкой мягким голосом, и подумал, что он собирается увещевать ее добрыми словами. Кто знал, что Чжоу Итан скажет такие безжалостные слова; даже ему было неприятно слышать их, не говоря уже об этой юной особе.

Чжоу Фэй была ошарашена. Ее глаза тут же покраснели, и она непонимающе уставилась на отца.

- Расти здоровой. Люди всегда встретятся снова, и снаружи тебя всегда будет ждать другой мир. И лишь от тебя зависит, когда ты сможешь свободно приходить и уходить. А Фэй, я ухожу, прощай, - сказал напоследок Чжоу Итан.

---

[1] 弟弟 (xiǎoxiōngdì) букв. маленький брат; младший брат, парень младшего возраста

[2] здесь Се Юнь фактически сравнивает себя с продуктом. Например, он говорит: «У такого продукта, как я, осталось только два применения...», но переводчик с английского языка решил, что это будет звучать странно в связи с контекстом и грамматикой, поэтому немного изменил его фразу

[3] Шу - название региона, где располагается 48 твердынь

[4] 儿 (er) - словообразующий суффикс, имеющий уменьшительно-ласкательное значение

[5] «сян» в данном случае может означать министра или какое-либо другое должностное лицо среднего звена

[6] освежим память: «Нань Чао» - правительство на юге

[7] 师妹 (shīmèi) - сестрёнка-наставница (вежл. о младшей по возрасту дочери учителя или соученице)

[8] 五仙山 (wū xīng shān) - гора Пяти Стихий; отсылка на классическое литературное произведение под названием «Путешествие на Запад». Главный герой Сунь Укун был заточен Буддой под этой горой за неподобающее поведение

[9] 摸 (mō) (mō jiāng) - способ для полководца или генерала обратиться к самому себе. Так Вэнь Юй представляет себя Чжоу Итану

[10] 飞惊江 (fēi jīng jiāng): «Фэй» значит летать, «Цин» - сановник, вельможа; 江 (jiāngjūn) - 1) генерал; 2) полководец, командующий; 3) ист. воевода, командир провинциального (при дин. Цин — знаменного) гарнизона

[11] 脉 (mài) (цзинмай) - система меридианов, по которой течет жизненная энергия, известная как «ци»

[12] 1 чжан = 3,33 метра

[13] 1 цунь = 3,33 см

[14] поскольку рыбы живут в воде, а медведи обитают в глубоком лесу, вы можете отправиться лишь в одном месте. То есть иногда бывают ситуации, когда можно выбрать лишь что-то одно. Думаю, по смыслу подходит наше выражение «не два горошка на ложку»

<http://tl.rulate.ru/book/33015/1126290>